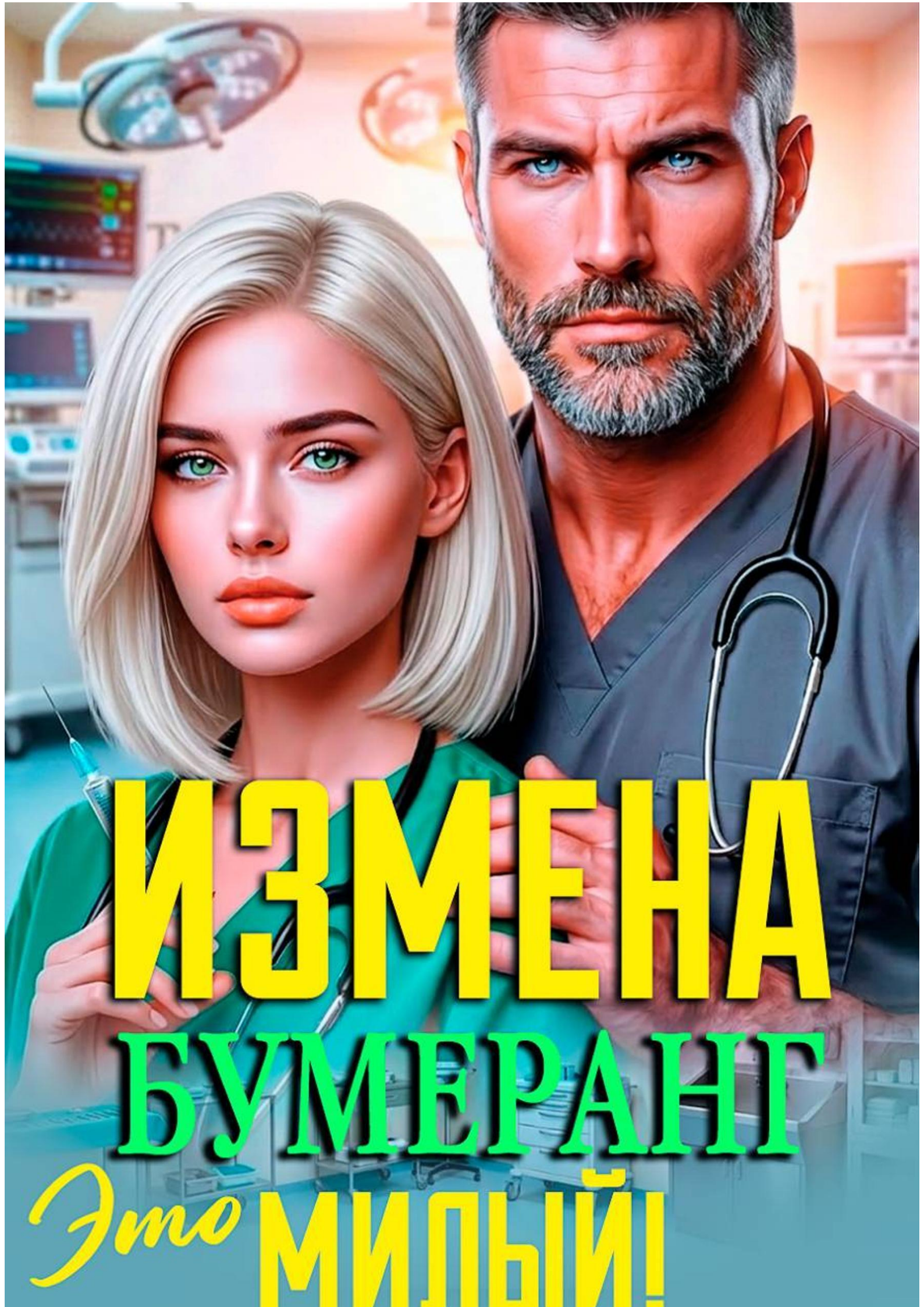

ИЗМЕНА

БУМЕРАНГ

Это **МИЛЫЙ!**

Инна Вронская

Измена. Это Бумеранг, Милый!

«Автор»

2026

Вронская И.

Измена. Это Бумеранг, Милый! / И. Вронская — «Автор», 2026

Я вхожу в наш новый дом, а муж вгоняет мне нож в спину улыбкой. За столом — его любовница и свекровь. Они уже пьют чай, будто так и надо. Вадим объявляет: Кристина родит, ты будешь при ней прислугой. Моя дочь Милана — не в счет, она всего лишь «одна», а нужны наследники - мальчики. Свекровь добивает: «Ты уже не молодая, Ира. Смирись». Я вылетаю на улицу, даже не взяв куртку. Муж кричит вслед, что я вернусь и приползу, потому что другого выхода нет. Он ошибается. Я иду по снегу босиком, но внутри у меня огонь. Бумеранг уже в воздухе. Вадим еще не знает, что он промахнулся... Я буду мстить!

© Вронская И., 2026

© Автор, 2026

Инна Вронская

Измена. Это Бумеранг, Милый!

Глава 1

— Мой масик любит пухлые губы, просто обожает, когда я красной помадой оставляю следы все ниже и ниже. Ну вы понимаете...

Я замираю. Всего на секунду. Потом игла снова входит в кожу — ровно, глубоко, профессионально. Двадцать лет практики. Я могу делать это с закрытыми глазами. Вот и сейчас закрываю — не глаза, а душу. Чтобы не слышать. Чтобы не чувствовать. Чтобы просто доработать и выпустить эту наглую девицу из своего кабинета.

— Он вообще без ума от меня, — продолжает Кристина, разглядывая потолок. — Говорит, у меня самые сексуальные губы из всех, что он целовал. А он, знаете, опытный. Всё попробовал, всё знает.

Я молчу. Наношу филлер в уголки губ. Аккуратно, симметрично, идеально.

— Он у меня врач, кстати, — добавляет она небрежно. — Хирург. Представляете? У него руки золотые, у меня губы мягкие. Идеальный союз.

Она смеется. Довольно, сытно, по-хозяйски.

Я продолжаю молчать, хотя внутри горит пожар.

— Жаль, что женат, конечно. Но это ненадолго. У них там уже дочь взрослая, всё, своё отжили.

«Своё отжили».

Эти два слова впиваются в сердце осколками стекла. Я чувствую, как внутри что-то начинает кровоточить. Но лицо мое спокойно. Маска профессионала не должна трескаться.

— А вы замужем? — спрашивает Кристина, даже не глядя на меня.

— Замужем.

— И кто он?

— Врач.

— Ой, надо же! — Она резко поворачивает голову, и я едва успеваю убрать иглу. — А вдруг они знакомы? Представляете цирк: я ваша любовница, вы жена моего масика, а мы тут губы обсуждаем! — Кристина заливается смехом, довольная своей грязной шуткой.

Я смотрю на неё и вижу только губы. Пухлые, налитые, молодые. Губы, которые скоро будут оставлять следы красной помады. Все ниже и ниже.

— Не дергайтесь, — говорю я ледяным тоном. — Испортите контур.

— Ой, какие мы строгие, — Кристина усмехается, но голову больше не вертит.

Я продолжаю работать. А в голове — вихрь.

Я вспоминаю. Вспоминаю наши с Вадимом ночи. Те, первые, безумные, когда мы не могли оторваться друг от друга. Когда я красила губы самой яркой помадой и оставляла следы на его теле. Когда он рычал от удовольствия и говорил: «Ты моя ведьма». Когда мы засыпали под утро, переплетаясь руками и ногами, и просыпались от того, что снова хотим друг друга.

А потом...

Потом пришла Милана. Пеленки, распашонки, бессонные ночи. Потом работа — его и моя. Потом ипотека, кредиты, ремонты. Потом усталость, которая въелась в кости так глубоко, что уже не вытравить. Потом молчаливые ужины перед телевизором. Потом кровать, в которой мы спим спиной к спине, как два чужих человека в купе поезда.

Наши ночи давно лежат под руинами бытовых дел. Под грудой немытой посуды. Под горой неглаженного белья. Под толстым слоем обид, которые мы не высказываем, потому что уже поздно. Потому что привыкли. Потому что так живут все.

Несколько дней назад я сидела в ванной с телефоном и гуглила: «как разнообразить супружескую жизнь после двадцати лет брака». Я искренне верила, что проблема во мне. Что это я перестала стараться. Что это я стала скучной, пресной, неинтересной.

Я покупала новое белье. Я искала в интернете советы, как удивить мужа. Я хотела вернуть ту искру, что погасла годы назад.

Какая же я дура.

— Готово, — говорю я, откладывая иглу.

Кристина вскакивает, подлетает к зеркалу. Вертится, улыбается, рассматривает себя со всех сторон. Губы уже припухли, выглядят сочно и вызывающе — именно так, как она хотела.

— Офигенно! — Она чмокает воздух, словно целует своё отражение. — Вы реально мастер! Я теперь только к вам буду ходить. Еще грудь хочу сделать, но масик пока против.

Она роется в сумочке, достает кошелек, отсчитывает купюры. Бросает их на стол, даже не глядя.

— Держите. Тридцать пять, как договаривались.

— В кассу, пожалуйста, отнесите.

Кристина поправляет волосы, достает из сумочки помаду — ярко-красную, матовую, дорогую. Красит губы прямо перед зеркалом, не стесняясь. Смотрит на меня и улыбается.

— Знаете, в чём кайф? — говорит она доверительно. — Когда у тебя такие губы, мужик готов на всё. Особенно если он женат. Женатые вообще самые щедрые. Совесть заедает — вот и откупаются подарками.

Я молчу. Сжимаю зубы.

— Мой котик мне дом построил, представляете? — продолжает она. — Два коттеджа на участке. Один для нас, большой. А второй... ну, говорит, для мамы. Но мама там жить не будет, я всё сделаю, чтобы не жила. Это будет гостевой дом. Для моих подруг. Для вечеринок.

Два коттеджа.

Слово вбивается в мозг раскалённым гвоздём. Два дома на одном участке.

— Красиво живете, — говорю я ровно.

— А то! — Кристина сияет, поправляет шубку — норковую, длинную, в пол. — Ладно, побежала я. Мой котик сегодня сюрприз обещал. Люблю сюрпризы. Особенно дорогие.

Она подмигивает мне и выплывает из кабинета, оставляя за собой шлейф дорогих духов.

Дверь закрывается.

Я стою посреди кабинета и смотрю на эту дверь. Смотрю долго, не мигая. В голове пустота.

Да ладно, Ир, сколько таких прохвосток ты видела в этом кабинете?

Все говорят об одном и то же. Женат, не любит жену, скоро замуж позовет...

Но внутри уже поселился холод. Липкий, противный холод, от которого сводит желудок. Который поднимается выше, сжимает горло, мешает дышать.

Я беру телефон. Просто чтобы отвлечься. Просто чтобы увидеть что-то нормальное, привычное, моё.

Экран загорается. СМС.

От Вадима.

Я открываю. Читаю. Сердце пропускает удар.

«Любимая, сегодня сюрприз. Надень всё самое лучшее. Я за тобой заеду в семь. Целую».

Глава 2

Я стою перед зеркалом уже полчаса. Платье сидит идеально — черное, облегающее, с открытыми плечами. Туфли на высоких каблуках, которые я не надевала лет пять. Волосы уложены, макияж безупречный, губы накрашены той самой красной помадой — яркой, смелой, почти вызывающей.

— Ну надо же, — говорю я своему отражению. — А ты еще ничего. Совсем ничего.

Отражение молчит. Только глаза у него какие-то тревожные. Слишком блестят. Слишком беспокойно бегают.

Я отворачиваюсь. Надеваю норковую шубу — ту самую, в пол, которую Вадим подарил на пятнадцатилетие свадьбы. Тогда я плакала от счастья. Думала: вот оно, вот он, пик моей женской состоятельности. Любящий муж, взрослая дочь, дорогие подарки, статус, уважение.

Где теперь те слезы? Высохли. Испарились. Осталась только соль на губах.

Звонок в дверь ровно в семь. Вадим всегда был пунктуальным.

— Идем, королева, — говорит он с порога, окидывая меня взглядом.

Во взгляде этом — одобрение. Даже больше — гордость. Так смотрят на дорогую машину или на удачно купленную картину.

Я выхожу. Сажусь в машину. Вадим садится рядом, поворачивается ко мне и достает шелковый платок.

— Сюрприз, — улыбается он. — Завяжу глаза.

Я смеюсь. Правда смеюсь, легко и радостно. Потому что это так неожиданно, так молодому, так...

— Вадим, ты чего? Мы куда?

— Увидишь.

Платок мягко ложится на глаза, завязывается сзади. Я ничего не вижу. Только чувствую, как машина трогается, как мягко шуршат шины по асфальту, как пахнет в салоне его одеколоном — тем самым, который я выбирала ему на прошлый Новый год.

— Там холодно? — спрашиваю я. — Я в туфлях, ты учти.

— Не замерзнешь, — он берет мою руку, сжимает. — Я рядом.

От этого простого жеста внутри разливается тепло. Такое забытое, почти незнакомое чувство. Я прикрываю глаза под платком и позволяю себе поверить. Поверить, что все налаживается. Что он вспомнил. Что мы еще можем.

Машина едет долго. Минут сорок, наверное. Потом останавливается.

— Приехали, — голос Вадима звучит торжественно.

Он помогает мне выйти, ведет куда-то, поддерживая под локоть. Потом останавливается, встает у меня за спиной.

— Снимай.

Я снимаю платок и...

Боже мой.

Передо мной дом. Огромный, красивый, сказочный. Двухэтажный коттедж из светлого кирпича, с большими окнами, с подсветкой, с елками во дворе, увитыми гирляндами. А рядом — еще один. Чуть поменьше, но такой же красивый.

— Вадим... — шепчу я. — Это... это что?

— Это наш новый дом, — говорит он. — Вернее, дома. Два дома. Для нас.

Я смотрю и не верю. Мы же мечтали. Мы столько лет мечтали выбраться из города, купить домик за городом, чтобы воздух, чтобы тишина, чтобы утром выходить на веранду с чашкой кофе. Я столько раз показывала ему картинки в интернете, столько раз говорила: «Вот бы...»

— Ты построил? — я поворачиваюсь к нему, и глаза мои мокрые. — Ты сам построил?

— Заходи, — он улыбается. — Там еще сюрпризы.

Мы входим. Внутри пахнет деревом, хвоей и еще чем-то праздничным. Большая гостиная, камин, накрытый стол. Белая скатерть, хрусталь, свечи, цветы. Красиво. Богато. Торжественно.

Я делаю шаг вперед и вижу их.

За столом сидят двое.

Кристина — в облегающем красном платье, с идеальным макияжем, с моими губами, которые я сама ей сделала сегодня утром. И Нина Петровна — моя свекровь, в нарядной кофте, с укладкой, с довольным лицом.

Я останавливаюсь как вкопанная.

— Здравствуйте, — говорю я машинально. — А вы... что вы здесь делаете?

Кристина улыбается. Широко, нагло, победно. Она смотрит на меня и даже не отводит взгляд. Ни капли стыда. Ни капли смущения.

— Ирочка, — Вадим подходит, кладет руки мне на плечи. — Это и есть сюрприз. Помнишь, я говорил, что построил два дома? Они для двух любимых женщин!

Я молчу. В голове пустота. Абсолютная, звенящая пустота.

— Вот они, — он кивает на Кристину и на меня. — Две мои любимые женщины. Мы будем жить все вместе. Рядом. Семей.

— Что? — это единственное слово, которое я могу выдать из себя.

— Кристина скоро забеременеет, — продолжает Вадим спокойно, будто обсуждает погоду. — Ты и мама будете помогать ей с ребенком. Чтобы далеко не ездить, будем жить рядом. Два дома на одном участке — удобно же. Как тебе идея?

Я смотрю на него и не узнаю. Это Вадим? Мой муж? Человек, с которым я прожила двадцать лет?

— Ты... ты серьезно? — мой голос дрожит. — Ты привел меня в дом, где будет жить твоя любовница? И предлагаешь мне помогать ей растить ребенка?

— Ну почему сразу «любовница»? — морщится Вадим. — Кристина — моя будущая жена. Но ты тоже останешься женой. Официально. По документам. Никто тебя не выгоняет. Будем жить большой семьей. Современные люди так живут.

— Современные люди? — я смотрю на него в упор. — Ты больной?

— Ирочка, не груби, — вмешивается свекровь. — Вадик дело говорит. Ты уже не молодая, вторых детей не родишь. А Кристина молодая, плодовитая, она нам внуков подарит. Наследники нужны, а не одна Милана. Ты уж прости, но правда глаза колет.

Я перевожу взгляд на свекровь. Женщина, которую я двадцать лет называла мамой. Которой я помидоры солила, когда она болела. Которой ноги мыла перед операцией. Которая на моих руках выздоравливала после инфаркта.

— И вы... вы тоже? — шепчу я.

— А что я? — Нина Петровна отводит глаза. — Я за сына. И за внуков. А ты уж как-нибудь... не обижайся.

— Не обижайся, — эхом повторяет Кристина и улыбается. — Мы же девочки, договоримся. Я не жадная. Места в доме хватит всем.

Что-то во мне обрывается.

Я смотрю на этот стол — накрытый для праздника, для встречи, для... для чего? Для моих похорон? Для унижения? Для того, чтобы я согласилась?

Красивая скатерть. Белая, льняная, с вышивкой. Свечи в высоких подсвечниках. Цветы в вазах. Бокалы, налитые до половины. Все ждали. Все готовились. Все знали.

— Ириша, ну что ты молчишь? — Вадим нетерпеливо дергает плечом. — Скажи что-нибудь.

Я подхожу к столу. Берусь за край скатерти. Крепко, обеими руками. Смотрю на них — на мужа, на свекровь, на любовницу. Три лица. Три довольных, ждущих моего молчаливого согласия лица.

— Скажу, — говорю я.

И дергаю скатерть на себя.

Бокалы летят на пол, разбиваются вдребезги. Цветы падают, рассыпаются лепестки. Тарелки гремят, еда разлетается по комнате. Свечи гаснут. В одну секунду весь этот праздничный ужас превращается в груды осколков и мусора.

— Это не праздник, — говорю я громко, четко, чтобы каждый услышал. — Это мои похороны. Я буду подавать на развод!

Тишина. Такая, что звенит в ушах.

Кристина вскакивает, отряхивает платье от упавших крошек.

— Ты с ума сошла? — визжит она. — Платье дизайнерское!

Вадим бледнеет. Потом краснеет. Глаза наливаются злостью.

— Ах ты неблагодарная! — он хватается меня за руку и тащит к выходу. — Я для нее дом построил, я ее привез, я семью хочу большую, а она!..

Мы вылетаем на крыльцо. Холодный воздух бьет в лицо, обжигает кожу. Мороз под двадцать, а я в тонких туфлях и без шапки.

— Снимай! — орет Вадим.

— Что?

— Шубу снимай! Я дарил!

Я смотрю на него и медленно расстегиваю пуговицы. Шуба падает в снег к моим ногам.

— Сережки! — он тычет пальцем в мои уши. — Бриллианты! Тоже я дарил! Кристине подарю!

Я срываю серьги. Швыряю их в снег. Они тонут, исчезают в белой массе.

— Всё? — спрашиваю я. Голос не дрожит.

Вадим смотрит на меня — растерянно, зло, но уже не так уверенно. Лицо красное. Надо было еще пощечин ему надавать.

— Иди, — говорит он. — Иди как пришла ко мне двадцать лет назад. В одном платье и с пустыми руками. Замерзнешь — одумаешься. Примешь мои условия. Другого выхода у тебя нет!

Мне ничего не остается сделать как...

Дорогие мои любимые девочки! Забираем по минимальной цене! В этой книге бумеранг прилетит всем! Обещаю! Это нужно прочесть!

Глава 3

Я стою на крыльце, и мороз щиплет голые плечи. В ушах звенит от его слов. «Замерзнешь — одумаешься. Примешь мои условия». Медленно поворачиваюсь. Вадим стоит в дверях, руки в боки, довольный. Уверенный, что я сейчас рухну на колени, буду проситься обратно, соглашусь на всё. На его условия. На его любовницу. На его правила.

Внутри что-то закипает. Не обида, не боль — ярость. Такая, какой я в себе не знала.

Я делаю шаг назад. Потом еще один. Возвращаюсь к крыльцу. Подхожу вплотную к Вадиму. Смотрю ему в глаза.

— Ты думаешь, я буду ползать? — спрашиваю тихо. — Ты думаешь, я соглашусь?

— А куда ты денешься? — усмехается он. — Без денег, без вещей, без всего. Замерзнешь, как собака, и приползёшь.

Я размахиваюсь и бью его по щеке.

Звонко. Сильно. Так, что ладонь обжигает.

— Увидимся в суде!

Вадим хватается за щеку. Глаза вылезают из орбит. Он не ожидал. Он думал, я сломаюсь. Он думал, я буду рыдать и умолять.

— Ты... — начинает он.

Но я уже не слушаю.

Из дома вылетают Кристина и свекровь. Кристина в своем красном платье, кутается в норковую накидку. Свекровь в нарядной кофте, всплескивает руками.

— Ирочка, ты что творишь? — причитает Нина Петровна. — Опомнись! Куда ты пойдёшь?

— Ах ты истеричка! — визжит Кристина. — Вадик, она тебя ударила! Вызови полицию!

Я смотрю на них — на эту троицу, только что уничтожившую мою жизнь, и вдруг становится смешно. Дико, страшно смешно.

Шуба лежит в снегу, куда я её швырнула. Норковая, в пол, подарок на пятидесятилетие. Я наклоняюсь, поднимаю её, отряхиваю от снега. Медленно, с достоинством надеваю на плечи. Запахиваюсь.

— Ты чего? — Вадим тарашится. — Я сказал — снимай!

Я поправляю воротник. Смотрю на него сверху вниз — теперь, когда я в шубе, а он без, разница в росте почти незаметна.

— Шуба твоя, — говорю спокойно. — А двадцать лет жизни — мои. Двадцать лет я на тебя работала. Рожала, ночей не спала, борщи тебе варила, рубашки гладила, свекрови твоей задницу подтирала, когда та болела. Ты хоть раз спасибо сказал?

Вадим открывает рот.

— Не сказал, — перебиваю я. — Теперь пусть мама с любовницей тебя обслуживают. Кристина молодая, пусть покажет, какая она хозяйка. Пусть борщи тебе варит, рубашки гладит, в постели разнообразие устраивает. А я — всё. Я сдаю смену.

Кристина бледнеет. Свекровь хватается за сердце.

— Ирочка, побойся Бога! — лепечет она. — Я же старая, я не могу...

— А я могла? — я смотрю на неё в упор. — Я двадцать лет могла. А вы, Нина Петровна, сидели на моей шее и ножки свешивали. Теперь на другой посидите. Посмотрю, как вам понравится.

Поворачиваюсь и иду.

Вниз по ступенькам. По дорожке. К воротам.

— Стоять! — орёт Вадим.

Я иду не оборачиваясь.

Выхожу за ворота. Трасса пустая. Только снег летит в лицо, ветер продувает насквозь, туфли утопают в сугробах.

Я иду. Каблуки проваливаются, я спотыкаюсь, но иду. Назад нельзя. Там — смерть. Не физическая, другая, страшнее — смерть души. Если я вернусь, если соглашусь, если проглочу — я перестану существовать. Стану приложением к его жизни. Мебелью. Прислужгой.

— Ну и куда ты идёшь, героиня? — спрашиваю себя вслух. Ветер уносит слова, разбивает в снежную пыль. — Куда ты в туфлях по трассе? Зачем ты шубу забрала, дура? Тебя же за неё убить могут в первом же перелеске!

Но ноги идут. Сами. Без разрешения мозга. Просто потому что стоять нельзя — замёрзну.

Проезжают машины. Фары выхватывают из темноты мою фигуру, несутся дальше. Никто не останавливается. Кому нужна ненормальная баба в шубе посреди трассы в одиннадцать вечера?

Пальцы немеют. Ноги в туфлях превращаются в ледышки. Я чувствую, как холод поднимается выше, сковывает колени, забирается под шубу.

— Господи, — шепчу я. — Если ты есть — помоги. Я не знаю, куда идти. Я не знаю, что делать. Я просто не хочу умирать здесь, в придорожной канаве, как бездомная собака.

В ответ — только ветер.

Я иду. Шаг за шагом. Считаю про себя: раз, два, три, четыре, пять. Чтобы не думать. Чтобы не чувствовать. Чтобы не понимать, что через полчаса я просто свалюсь в снег и больше не встану.

Сзади раздаётся шум мотора. Ближе, ближе. Потом — сигнал. Короткий, настойчивый. Я оборачиваюсь.

Рядом тормозит старенький «Рено». Такой потрёпанный жизнью, с вмятиной на крыле и заклеенной фарой. Стекло опускается.

— Садись, замерзнешь!

За рулём женщина. Лет шестидесяти, с усталыми глазами, но лицо живое, тёплое. Вязаная шапка, старый пуховик, натруженные руки на руле.

Я смотрю на неё и не могу пошевелиться. Просто стою, хлопаю глазами, как дура.

— Чего встала? — женщина открывает дверцу. — Садись, говорю. Руки вон синие уже, загубишь себя.

Я сажусь. Падаю на сиденье, забиваюсь в угол. Шуба распахивается, из-под неё видно голые плечи и тонкое платье.

— Господи Иисусе, — женщина качает головой. — В чём мать родила, почти. Куда ж ты в таком виде? Измена, что ли? Мужик выгнал?

Я киваю. Говорить не могу — зубы стучат, колотит так, что сиденье дрожит.

— Понятно, — вздыхает женщина. — Не спрашиваю, что случилось. Сама знаю, как мужики жён бросают. Меня тоже бросали. И не раз.

Она протягивает руку назад, шарит там и достаёт старый ватник, драный, засаленный, но чистый.

— Накинь, согрейся. Шуба твоя, конечно, красивая, но в ней сейчас не согреться — шок у тебя. Ватник лучше греет. Душой проверено.

Я накидываю ватник поверх шубы. Пахнет бензином и ещё чем-то родным, деревенским, забытым. Слезы наворачиваются на глаза. Не от горя — от тепла. Оттого, что кто-то просто пожалел. Просто остановился. Просто не проехал мимо.

— Спасибо, — выдавливаю я.

— Не за что, — женщина трогается с места. — Жить-то тебе есть где?

— Квартира в городе, но там муж...

— Понятно. Поживёшь у меня сколько надо. Я Раиса Ивановна. Вдова я, муж помер пять лет назад. Живу одна в двушке, не богато, но не голодно. Работаю вахтершей в общежитии, так что днём меня нет, а ночью я дома. Не стесню?

Я смотрю на неё. Простые морщины, седые волосы из-под шапки, добрые глаза. И вдруг понимаю, что впервые за весь этот адский вечер чувствую — я не одна. Я держусь не за воздух. Я держусь за живого человека.

— Раиса Ивановна, — говорю я, и голос срывается. — Я... я не знаю, как вас благодарить. Я заплачу, я всё отдам, у меня только шуба эта и...

— Молчи, — перебивает она. — Никаких денег. Не за деньги люди людьми держатся. Ты отойди сначала. В себя приди. А там видно будет.

Машина едет по тёмной трассе. В салоне тепло, пахнет бензином и пирожками. Раиса Ивановна молчит, не лезет с расспросами, только иногда поглядывает на меня и качает головой.

— Ты это... — говорит она наконец. — Не убивайся. Переживёшь. Я знаю, сейчас кажется — конец света. А пройдёт время, оглянешься — и поймёшь: это не конец, это начало.

— Какое начало? — шепчу я. — Мне сорок пять. У меня ничего нет. Ни дома, ни денег, ни работы. Только шуба ворованная.

— Работа будет, — отрезает Раиса Ивановна. — Ты врач, я вижу. Руки у тебя умные. А руки прокормят. А мужик... — она машет рукой. — Мужик — это не счастье. Мужик — это испытание. Пройдёшь — молодец, не пройдёшь — сама виновата.

Я молчу. Смотрю в окно на пролетающие огни. И вдруг понимаю, что внутри, в самой глубине, там, где только что была чёрная пустота, начинает теплиться что-то маленькое, слабое, но живое.

Надежда.

Или злость.

Машина въезжает в спящий поселок, петляет по дворам, останавливается у старой пятиэтажки.

— Приехали, — говорит Раиса Ивановна. — Вылезай, доча. Пирожки будем есть и чай греть. А завтра — разберёмся.

Я вылезая из машины. Стою во дворе, смотрю на обшарпанный дом, на редкие окна, в которых горит свет. Ветер стих. Снег падает крупными хлопьями, тихо, ласково, будто хочет укрыть меня, спрятать от всего мира.

— Ну что, Ирина? — спрашиваю я себя. — Дожила. От норковой шубы до ватника. От коттеджа до хрущёвки. От любви до... до чего?

Сама себе не отвечаю.

Просто захожу в подъезд.

Глава 4

Просыпаюсь от того, что где-то на кухне звенит посуда. Резко сажусь на кровати, сердце колотится где-то в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.